

- ное хоз-во. Киев, 1923. № 2, нояб. (Приложение I к ст.: Яснопольский Н. П. Наше денежное обращение в эпоху революции).
22. Там же. С. 49.
23. *Slutzki E. E.* Ein Beitrag zur Formal-praxeologischen Grundlegung der Oekonomik / Akad. Oukrainienne des Sciences // Ann. de la classe des sci. soc.-econ. Kіev, 1926. Vol. 4. P. 3–12. — Пер. с нем.: Этюд до проблемы будування формально-праксеологічних засад економіки / Пер. с нем. Б. А. Язловского // Зап. соц.-экон. відділу Укр. Акад. наук. Кіев, 1926. Т. 4. С. 1–11.
24. *Slutzki E. E.* Zur Kritik des Bohm-Bawerkschen Wertbegriffs und seiner Lehre von der Messbarkeit des Wertes // Schmollers Jb. 1927. Bd. 51. H. 4. S. 37–52.
25. *Слуцкий Е. Е.* О новом коэффициенте средней плотности населения // Вестн. статистики. М., 1923. Т. 13.
26. *Слуцкий Е. Е.* К вопросу о логических основах исчисления вероятностей // Там же. 1922. № 12. С. 12–21.
27. *Слуцкий Е. Е.* Сложение случайных причин как источник циклических процессов // Вопр. конъюнктуры. М., 1927. Т. 3, вып. I. С. 34–64. — Англ. пер.: The summation of random causes as the sources of cyclic processes // Ibid. С. 156–160.
28. *Yule G.* On a method of investigating periodicities in disturbed series, with special reference to Wolfer's sunspot numbers. Phil., 1927.
29. *Slutsky E.* Ueber stochastische Asymptoten und Grenzwerte // Metron (Padova). 1925. Vol. 5, N 3. P. 3–89.
30. *Слуцкий Е. Е.* Жизнеописание. 3 декабря 1942 г. (Рукопись).
31. Таблицы для расчетов неполной гамма-функции и распределения хи-квадрат / Сост. Е. Е. Слуцкий. М., 1950.
32. *Колмогоров А. Н.* Некролог // Усп. мат. наук. 1948. Т. 3, вып. 4.

И. И. Елисеева

Жизнеописание

Дед мой по отцу, Макарий Михайлович Слуцкий, служил в г. Киеве в Судебном ведомстве, начал свою карьеру еще до судебной реформы, выделяясь среди приказного сословия тех времен своей исключительной честностью; он умер в бедности, успев, однако, дать высшее образование моему отцу Евгению Макарьевичу, окончившему Киевский университет по естественному отделению физико-математического факультета в 1877 г.

Со стороны матери, Юлии Леопольдовны, я происхожу от Леопольда Бонди, врача из французских выходцев, переселившихся в Россию при неизвестных мне обстоятельствах. Часть многочисленного его, от двух браков, потомства самоопределилась как русские, например, сын его Михаил, служивший в русском флоте, отец известного пушкиниста проф. С. М. Бонди; часть же детей его считали себя поляками и после образования Польского государства стали польскими гражданами. Мать моя, приняв православие вскорости после моего рождения, стала под влиянием отца моего горячей русской патриоткой в лучшем смысле этого слова, и польский шовинизм наших родичей всегда служил из-

вестным препятствием к более близким отношениям. В настоящее время я уже около 30 лет не имею сведений об этих, совершенно чужих мне представителях нашего рода, с которыми после смерти моей бабки всякая связь более четверти столетия тому назад у меня и родных моих совершенно оборвалась.

Родился я в 1880 г. в с. Новом б. Мологского у. б. Ярославской губ., где отец мой занимал должность наставника (т. е. учителя-воспитателя) в Новинской учительской семинарии. В 1886 г. отец лишился должности из-за своего нежелания покрывать казнокрада директора. Три года мы бедствовали в Киеве, потом отец получил место заведующего еврейским училищем в г. Житомире, где и служил до выхода своего в отставку в 1899 г. опять из-за столкновения с начальством. Но в 1899 г. я уже как раз окончил классическую гимназию с золотой медалью и поступил в Киевский университет на математическое отделение физико-математического факультета. Средства на жизнь я добывал частными уроками. В январе 1901 г. за участие в сходке, требовавшей возвращения в университет двух уволенных товарищей и отказавшейся разойтись по требованию начальства, я в числе 184 студентов был сдан в солдаты согласно действовавшим тогда правилам ген. Ванновского. Студенческие беспорядки, вспыхнувшие в Москве и Петербурге вслед за этим, принудили правительство вернуть нас в университет в том же году. Но уже в начале 1902 г. я был уволен снова, за демонстрацию против министра Зенгера, и на сей раз без права поступления в высшее учебное заведение Российской Империи.

Благодаря вышеупомянутой бабке моей по матери мне удалось поехать учиться за границу. С 1902 по 1905 г. я учился в Мюнхенском политехникуме на машиностроительном отделении. Я не окончил его, когда вследствие развития в России революционного движения сделалось возможным мое поступление в университет в России, и я вступил осенью 1905 г. в число студентов юридического факультета Киевского университета.

Мюнхен был переломным пунктом в моем развитии. Специальность машиностроения была мне навязана обстоятельствами и чем дольше, тем сильнее не нравилась мне и тяготила меня. Положение принудило к самоанализу, и я открыл, что обладаю очень слабой зрительной памятью. Именно поэтому я и не могу быть, как я понял, хорошим инженером. Но по той же причине, очень плохо запоминая лица и путая людей, с которыми я даже несколько раз встречался, я не могу быть и политическим деятелем. Дальнейший анализ своих способностей подтвердил этот вывод. Я учился в области математики очень хорошо, и мне все давалось без большого напряжения. Я мог полагаться на результаты своей работы, но к результату я подходил медленно. Между тем для политика, для оратора и т. п. нужна не только сила мысли, но и быстрота острого соображения. Я поставил себе и своим удачам и неудачам диагноз, который с тех пор и определил

в основном линию моей жизни, которую я решил отдать исключительно научной работе.

Интерес к экономике появился у меня еще в первые студенческие годы в Киеве. В Мюнхене он углубился и укрепился. Я серьезно штудировал Рикардо, потом Маркса, Ильина (Ленина) «Развитие капитализма в России» и т. д. Поступив на юридический факультет, я уже имел планы работ по приложению математики к экономике.

Окончил я университет только в 1911 г., 31-го года от роду (1905–1906 г. пропал, так как мы, студенты, почти не учились и бойкотировали экзамены; еще один год пропал, так как я из-за одной мальчишеской выходки был на один год исключен из университета). Хотя при окончании университета я получил золотую медаль за сочинение на тему: «Теория предельной полезности», но, пользуясь репутацией «красного студента», я не был оставлен при университете. Магистерские экзамены на степень магистра политической экономии и статистики я выдержал в 1916/17 г. при Московском университете.

В 1911 г. случилось событие, определившее мою научную судьбу. Начав готовиться к магистерскому экзамену, я прилежно занялся теорией вероятностей и потом, встретившись с профессором, ныне академиком, А. В. Леонтовичем и получив от него только что вышедшую его книгу о методах Пирсона, крайне заинтересовался ими. Так как книга Леонтовича не содержала никаких доказательств, только разъясняя применение формул, я обратился к оригинальным мемуарам и увлекся этой работой. Через год, т. е. в 1912 г., вышла моя книга «Теория корреляций», которая была первым на русском языке пособием к изучению теорий английской статистической школы и была очень хорошо встречена критикой. Благодаря этой книге я был приглашен с января 1913 г. в Киевский коммерческий институт народного хозяйства. Сначала как преподаватель, потом как доцент и с 1920 г. как штатный профессор, я проработал там до начала 1926 г., т. е. до своего переезда в Москву.

Сначала я читал курсы по математической статистике. Потом оставил их и перешел к экономике, которую считал своей основной специальностью и в области которой я прилежно работал много лет над сочинениями, оставшимися незаконченными. Ибо, когда рушилось капиталистическое хозяйство и стали обрисовываться контуры планового социалистического хозяйственного строя, исчезла база для тех проблем, которые занимали меня как экономиста-математика. Изучение экономических процессов при социализме, в особенности в переходную эпоху, требовало иных знаний, иных навыков мысли, иных методов, чем те, которыми я вооружил себя.

В результате стали приобретать для меня интерес проблемы математической статистики, и мне показалось, что, вернувшись к этой области и сосредоточивши на ней все свои силы, я принесу больше

пользы родине и делу социалистического преобразования общественных отношений.

После нескольких работ, которыми я нащупывал свое поле исследований, я сосредоточился на задаче распространения методов теорий вероятностей на статистическую обработку наблюдений, не являющихся друг от друга независимыми в смысле теории вероятностей. Мне казалось, что рядом с теоретическими исследованиями я должен вести также и изучение тех или иных конкретных проблем, чтобы проверять таким путем методы и получать задания для теоретической работы в ряде исследовательских институтов. Везде я ставил на первое место методический подход к проблемам, стремясь не отклоняться от поставленной себе цели. В смысле приложений я считаю наиболее плодотворными свои работы, правда немногочисленные, в области геофизики.

Так писал я в декабре 1938 г., составляя свое жизнеописание при первом поступлении своем в Математический институт им. В. А. Стеклова АН СССР. Здесь достаточно полно рассказана история моей жизни и внутреннего развития до вступления моего в Московский гос. университет. Позднейшая история с достаточной полнотой отражена в анкете. Прибавлю лишь, что центр тяжести деятельности моей в МГУ лежал не в области преподавания, а в работе в рамках Научно-исследовательского института математики МГУ. Когда по решению Правительства функции этого института были определены как в основном учебно-педагогические (аспирантура), а научно-исследовательская работа сосредоточена основным образом в Математическом институте АН СССР, мой переход из МГУ в АН явился естественным следствием этой реорганизации.

*Профессор, доктор физико-математических наук
Е. Е. Слуцкий*

Жизнеописание

Я родился 7/19 апреля 1880 г. в с. Новом б. Мологоского у. б. Ярославской г. в семье преподавателя учительской семинарии.

Окончив классическую гимназию с золотой медалью в г. Житомире в 1899 г., я поступил на математическое отделение физико-математического факультета Киевского университета. Несколько раз был увольняем за участие в студенческом движении и окончил университет поэтому только в 1911 г. по юридическому факультету.

Хотя я получил за представленное сочинение по политической экономии золотую медаль, но вследствие репутации «красного» студен-

та я не был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию и держал экзамен на степень магистра политической экономии и статистики при Московском университете, какой и выдержал в 1917 г.

Мое сочинение на золотую медаль было написано под углом зрения математика, изучающего политическую экономию, и в этом направлении я работал много лет.

Предположенный труд, однако, остался незаконченным, так как я потерял интерес к его теме (математического обоснования экономики) после того, как вместе с революцией произошло в нашей стране исчезновение самого предмета изучения: экономического строя, основанного на частной собственности и конкуренции. Главнейшие результаты опубликованы были мною в трех работах, см. по приложенному списку №№ 6, 21, 24. Из них первая обратила на себя внимание ученого мира только через 20 лет по опубликовании, породив уже ряд смыкающихся с нею и продолжающих ее работ в англо-американской литературе.

Одновременно с экономикой я с 1911 г. начал интересоваться и математической статистикой, именно новым тогда направлением, возглавлявшимся Карлом Пирсоном. Результатом моего изучения была книга «Теория корреляции» (1912), бывшая в нашей стране первым систематическим изложением новых теорий и удостоившаяся немалой чести: похвальной рецензии А. А. Чупрова и занесения ее в очень скупо составлявшиеся списки литературы акад. А. А. Марковым в его курсе «Исследования вероятностей». Но период занятий моих, главным образом политической экономией, продолжался приблизительно до 1921—1922 гг., и только после этого я окончательно перешел к занятиям в области математической статистики и теории вероятности.

Первой работой этого периода, в которой мне удалось сказать кое-что новое, была работа о стохастических пределах и асимптотах (1925) (№ 8 по списку). Отправляясь от нее, я пришел к концепции случайного процесса — понятие, которому в позднейшие годы суждено было играть большую роль. Я получил ряд новых результатов, которые, как мне представлялось, могли быть использованы при изучении многих явлений природы. К этой серии работ относятся кроме ряда работ в «Comptes Rendus» (о «законе синусоидального предела» и др.) следующие номера списка: 22, 31, 32, 37, обнимающая годы 1926—1934.⁴

Из них работа № 22 содержит определенную концепцию физического процесса, порождающего случайные процессы, и получила в недавнее время продолжение в работе скандинавского математика Фриша [?] и в работах ак. Колмогорова А. Н. Работа № 37, в которой разработан обширный аппарат, предназначенный для статистического

⁴ № 42 (1937) — новая редакция работы № 22, сделанная по просьбе редакции международного журнала «Econometrica».

изучения эмпирических случайных процессов, еще ждет продолжения вследствие больших трудностей, связанных с подобными исследованиями, требующими больших вычислительных работ, которые могут быть сделаны выполнимыми лишь при наличии механических пособий, для создания которых, по-видимому, еще не пришло время.

Но попытку надо было сделать, и она, захватив ряд лет, примерно от 1930 до 1935, составила следующий период моей деятельности, частью по времени перекрывая предыдущий период. Я работал тогда в различных исследовательских учреждениях, связанных с метеорологией и, вообще, с геофизикой, начавши, впрочем, эту линию еще в недрах Центрального статистического управления. Этот период я оцениваю как решительное крушение. Вот в каком смысле.

Я задавался целью разработки и проверки методов изучения случайных эмпирических процессов на примере явлений геофизической области. Эта задача требовала ряда лет, в течение которых могли бы быть на примерах конкретных работ созданы и изучены, так сказать, инструменты исследования. Естественно, что многие из необходимых этюдов, занимая долгие месяцы, не могли сами по себе оказаться практически полезными. Естественно, что в исследовательских учреждениях, строивших свои планы под практическими углами зрения, обстановка для работы создавалась неблагоприятной, темы зачастую «закрывались» после значительной затраты на них труда, но задолго до окончания, и только немногое из сделанного за эти годы дозрело до опубликования. Я не имею духу роптать, так как великая задача индустриализации нашей страны должна была отразиться на научной работе требованием добывания конкретных, нужных на данном отрезке времени результатов, а мне, видимо, не удалось показать, что результаты, которых я ожидаю, будут достаточно важны в более или менее близкое время. Таким образом, поставленная мною задача оказалась отложенной до иных будущих времен.

Следующий период совпадает с моим вступлением в исследовательский коллектив Института математики при Московском государственном университете, а затем при реорганизации исследовательского дела в области математики, с переходом моим в 1939 г. в Математический институт им. Стеклова АН СССР. Те мои планы, которыми были полны предыдущие годы и о которых я выше дал краткий отчет, могли в новой обстановке встретить, конечно, полное понимание; но средства, которые для их реализации потребовались бы, превышали все практические возможности. Поэтому я перешел к чисто математическим исследованиям по теории случайных процессов (№№ 43, 44 списка), но очень скоро мое внимание и моя активность были всецело поглощены совершенно новой для меня задачей — задачей составления таблиц математических функций, необходимых для теории вероятностей при ее статистических применениях. Такие таблицы суще-

ствуют: в Англии работа над ними сопровождала весь жизненный путь Карла Пирсона, создавшего за три десятка лет ряд монументальных изданий. Таблицы Р. Фишера показали, чего в более скромном объеме можно добиться с гораздо меньшим трудом. Однако ряд задач в области табулирования нужных функций остался невыполненным. Подготовка советских статистико-математических таблиц оказалась стоящей на очереди. Все остальное надо было принести в жертву. 1940–1941 г. был годом удачи. Удалось найти новое решение задачи табулирования неполной гамма-функции, дающее более полный, и в принципе окончательный, тип этих таблиц. Применение американской техники позволило за один год почти закончить вычисление. Но война не дала довести дело до конца.

Я рассказал все самое главное. Преподавательская деятельность моя не играла значительной роли в моей научной жизни. Продолжительное время я работал — сначала как начинающий преподаватель, потом как профессор в высшем учебном заведении с чисто практическим уклоном экономического типа — Киевском коммерческом институте, преобразованном при советской власти в Киевский институт народного хозяйства. Моя преподавательская деятельность там продолжалась с 1912 по 1926 год. Недостаточная подготовка слушателей в области математики требовала построения курсов по типу элементарных. Я не считаю себя особенно плохим педагогом, но я с большим увлечением работал как профессор теоретической экономики, так как мои научные построения совпадали с запросами слушателей. Затем, когда в позднейший период моей жизни, получив за совокупность моих работ ученую степень доктора физико-математических наук, я получил и кафедру теории вероятности и математической статистики в Московском гос. университете, я через короткое время убедился, что эта ступень жизни пришла ко мне слишком поздно, и счастье иметь учеников мне не будет дано. Переход в Математический институт им. В. А. Стеклова создал и внешние условия, благоприятные для того, чтобы всецело сосредоточиться на исследовательской работе — основном деле моей научной жизни.

Сцепление случайностей забросило меня военной бурей в Узбекистан. Но эту главу в моей автобиографии писать еще рано. Скажу лишь, что это большое счастье иметь возможность продолжать работу, рассчитанную не на один год, на которую было уже затрачено немало труда, и в совершенно новых условиях — в гостеприимной земле Узбекистана.

*3 декабря 1942
Проф. Е. Слуцкий*